

Борис Наумов

Разум нужен всем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Наумов**
Разум нужен всем / Борис Наумов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 370 с.
ISBN 978-5-518-86481-8

ISBN 978-5-518-86481-8

© Издательство Буквица, 2014
© Борис Наумов, 2014

*Посвящаю эту повесть моим детям Евгению и Оксане
а также всем внукам.*

*Герои настоящей повести действуют, а события про-
исходят в то же время и в тех же условиях, которые
были описаны в первой части «Только разум».*

1.

— Светочка, иди, пожалуйста, к Анютке. Не могу я её успокоить: то плачет, то затихает и снова начинает кричать, — Анастас ходил по комнате, держа на руках маленькую дочку. Он тихо её качал, потом, когда она опять подавала голос, поднимал высоко и бережно опускал. А она, его Анютка, никак не хотела спокойно засыпать и зливалась громким плачем, не объясняя причину такого поведения. Дочери Анастаса и Светланы уже исполнился один год, она хорошо говорила, шлёпала босыми ножками по квартире и удивляла своих родителей разными вопросами, каким-то необыкновенным, не детским логическим мышлением.

А сейчас Анастас не мог понять поведения Анютки, никакие его слова и припевы детских песенок не действовали на неё. Она продолжала всхлипывать, вызывая у отца раздражение.

— Сейчас, дорогой, я подойду, — послышался голос Светланы из кухни, где она заканчивала готовить ужин и, одновременно, обед на завтра для себя и кушанье для своей малютки. — Она, наверное, есть хочет. Спроси у неё.

— Не хочет она мне отвечать, и сама ничего не говорит. Я давно не видел её такой. Может быть, у неё что-то болит?

Анастас продолжал попытки успокоить дочку и, видя бесполезность своих действий, ещё более терялся и раздражался.

— Что ты хочешь, Анюточка? Что болит у тебя? Скажи или покажи мне. Если ты будешь продолжать плакать, я не смогу тебе помочь. И мама ничего не сделает. Ты хочешь кушать? Ты голодна?

В ответ — только новые всхлипывания и непонятные бормотанья.

Светлана, закончив дела в кухне, быстрым шагом подошла к дочери и хотела взять её на руки. Анюта на миг замолчала, потом снова заплакала и только крепче прижалась к отцу.

Анастас и Светлана переглянулись и, пожав одновременно плечами, однозначно выразили своё непонимание странного поведения дочери.

— Аньюточка, ты же большая, скажи нам, что ты хочешь? Что у тебя болит? Ты хочешь есть?

Анюта слышала вопросы матери, но отвечать ничего не стала. Обняв Анастаса за шею и, прижимаясь к нему ещё крепче, она, как-то обидно для матери, махнула в её сторону ручкой.

— Дочка, что же с тобой? Как ты ведёшь себя? Скажи, чем тебе помочь? — Ещё более удивляясь и тревожась, спросила Светлана.

Папа сел на диван и посадил на колени дочку. Она затихла и, глядя исподлобья на Светлану, долго сидела, молча, и неподвижно.

— Может быть, вызвать врача? — спросила мужа Светлана, — Ведь, никогда раньше, даже, когда была совсем маленькой, так возбуждённо она себя не вела.

— Не знаю, Светочка. Давай подождём пока, может быть, всё обойдётся.

— Хорошо, дорогой. Посмотрим.

Уже почти два года Светлана и Анастас живут вместе. Они поженились через месяц после выхода Светланы из больницы. Сначала она была совсем слабенькой, но молодой организм энергично боролся с болезнью и вскоре дела быстро пошли на поправку.

Свадьба была скромная и тихая, совсем не такая, какую планировали влюблённые после обоюдного решения пожениться и на какую рассчитывали друзья и сотрудники «молодых».

Перенесённые страдания и горе, которые выпали на долю жениха и невесты, только ещё более сблизили их и укрепили принятное ранее решение соединиться и идти по жизни вместе. А любовь стала ещё сильнее и надёжнее, тяга к взаимности была непреодолимой.

Трудно сказать, чем для Анастаса и Светланы были те ужасные события, которые произошли с ними два года тому назад: наказанием за какие-то прегрешения или проверкой их чувств. Да, они

и не пытались их анализировать, они выжили, они остались вместе, они любили друг друга! И это главное в их жизни. Всё остальное — проходящее и теперь уже полузабытое.

Вот только Наталья Андреевна не смогла пережить всё случившееся. Её, не совсем крепкое здоровье, было окончательно подорвано, и она длительное время не могла вставать на ноги. Больница, лекарства, процедуры, уколы надолго стали неотъемлемой частью её существования. Даже волшебное выздоровление дочери и её соединение с Анастасом не смогли помочь матери справиться с болезнью. Она больше лежала, смотрела грустными, полными слёз глазами, на, приходящую к ней, любимую дочку. И сквозь эту грусть в её взгляде угадывались чувства радости от сознания того, что её дитя нашла своё счастье. Таковы необъяснимые материнские чувства: своя жизнь, собственное здоровье на втором месте после ощущения и сознанья благополучия своего чада.

Почти год пролежала Наталья Андреевна после трагических событий, не выдержала она последствий страшного удара, и, как ни боролся за жизнь её организм, всё было напрасно. Не дождалась она появления на свет внучки. А жаль! Может быть, хоть эта радость придала бы ей дополнительные силы и она, всё же победила бы недуг. Но, увы! Не суждено было ей посмотреть на маленькую крошку, и она, однажды утром, тихо ушла из жизни.

Тем временем день уже заканчивался, сдавая свои права, приходящей ему на смену ночи. Как правило, Анютка в эту пору уже посыпалась в своей кроватке, а счастливые родители занимались своими делами. Но сегодня..., сегодня что-то происходило с малюткой, и она никак не хотела укладываться в кровать.

Анастас чувствовал, как дочка, обнимая его, прижималась своим телом и не отпускала его ни на минуту. Только, время от времени, когда её ручки уставали, она меняла свою позу, поворачивалась, усиливая, при этом, громкость своих всхлипываний.

— Я вызову «скорую помощь», Стасик. Пусть посмотрит её врач: мне, почему-то тревожно, — снова обратилась Светлана к мужу.

— Не надо, Светочка, она скоро успокоится и заснёт, — не соглашался Анастас, прижимая к себе маленькое тельце. — Вот она уже затихает.

И долго ещё в доме витало беспокойство, пока, наконец, Анютка, уставшая от плача и затянувшейся бессонницы, не притихла и не уснула на руках Анастаса. Он мягко и нежно положил её в кроватку, укрыв тёплым одеяльцем.

— Как-то странно ведёт себя дочка, — шёпотом обратилась Светлана к мужу. — Даже, когда она была крошкой, не вела себя таким образом.

— В последние дни я стал замечать за ней какие-то непонятные перемены: то она шумная, болтливая, то затихает на несколько минут, словно, задумывается о чём-то.

— Слишком ещё рано задумываться. Вся жизнь впереди.

— А ты, Светочка, не обращала внимания на её взгляд, на глаза, когда она тихо сидит? — спросил Анастас.

— Обращала, Стасик. Взрослеет наша дочка, вот и появляются у неё новые привычки, движения, выраженья лица. Не успеем и глазом моргнуть, как в школу пойдёт, а там и…

— Ну, ну, дорогая, не спеши жить. Мы ещё успеем насладиться прелестями детства нашей дочурки. Да, и других дел у нас невпроворот.

— Это так, но мне иногда становится грустно оттого, что дочка взрослеет, и мы, при этом теряем что-то необъяснимое, незаметное, связанное с Анюткой. Какие-то мгновенья, минуты счастья или наслаждения уходят безвозвратно.

— Но, появляются новые мгновенья, другие поводы для ощущения счастья. И так будет всегда, до тех пор, пока мы будем родителями, а она нашей дочерью. Кроме того, Светочка, — хитро посмотрев на жену, продолжал Анастас, — у нас всегда остаётся возможность вновь повторить мгновенья и возродить причину для их появления.

— Я уже думала об этом, дорогой…

— И что же? — прервал Светлану муж.

— Считаю, надо подождать ещё немного. Вот и ты снова взялся за свои дела: меньше времени стал уделять нам с дочуркой. Давай потерпим немного, посмотрим, как будут развиваться события.

— Какие события, Светочка? Это жизнь. Наша жизнь. И всё в наших руках. Как мы её построим, такова она и будет.

— И всё же — рановато думать об этом, — подвела Светлана итог разговору о новом счастье, — давай, лучше, поужинаем немного, хотя уже поздновато это делать. Но, не зря же я на кухне возилась целый вечер.

— Пойдём, Светик, я тоже голоден.

Казалось бы, всё у них в семье было, как и в других семьях: обеды, ужины, разговоры и ласки, хоть, и не часто, но бывали и ссоры.

Анастас, занятый заботами сначала о беременной жене, потом — о маленькой дочери и, продолжая, при этом работать в институте, как будто забыл о встречах с Иллианием, о продолжении работ над своими изобретениями, о мечтах и планах, которые заполняли его жизнь после встреч с генианцами. Но, теперь всё чаще и чаще стали появляться у него в голове мысли о возобновлении работ, об усовершенствовании мыслетрона. Да, что греха таить, уже много раз он вспоминал о генианцах и даже пытался мысленно говорить с ними, но, нет..., только односторонний получался разговор. Давно не посещали генианцы Землю, а если они и появлялись на нашей планете — Анастас этого не знал. Может быть, они бывали здесь и, видя определённую сложность жизни Анастаса, не входили с ним в контакт. Наверно, они, в силу своего высокого интеллектуального и социального развития, понимают, что человеку в какое-то время нельзя мешать или отвлекать его от забот о возрождении новой жизни, воспитанию маленького человечка. Но это всё предположения, а так ли это на самом деле — Анастасу было неизвестно.

Одно он точно понимал: его мозговой потенциал за прошедшее после встречи с генианцами время не только не уменьшился, но и, вероятно, возрос.

Он стал руководителем лаборатории, которая «отпочковалась» от подразделения Пал Палыча. Тот сначала протестовал и сильно переживал при объявлении руководством института планов о разделении его лаборатории и создании новой — под руководством Одинцова. Но изменить он ничего не мог, так как открывались новые темы разработок и, в рамках старой лаборатории, с ними было трудно справиться.

А Одинцов был лучшим специалистом института в области исследования мозга. И эти новые темы удивительным образом пере-

кликались с направлением личных разработок Анастаса после встреч с генианцами.

Руководство института отлично понимало, что Одинцов — один из всех — способен возглавить новую лабораторию. Теперь она окончательно стала называться «отделом по исследованию мозговых полей и аналитических возможностей человека». Немалый вклад и сам Одинцов своими личными разработками внёс в «пробивание» таких исследований на уровне института.

Часть сотрудников из лаборатории Пал Палыча ушла вместе с Одинцовым в новый отдел. Одинцов сам отбирал людей и предлагал им работу в своём отделе. Прежде всего, это были его друзья, которые не один год бок о бок трудились рядом с ним и, которые были не только профессионалами в работе, но и людьми с юмором, способными без обид пошутить и посмеяться друг над другом. Часть новых людей пришла из других отделов и лабораторий, и появилось несколько молодых специалистов, пришедших сюда после окончания учебных заведений.

Сначала было трудно организовать работу в отделе, ведь, кроме прямых исследовательских работ, необходимо было заниматься и административной рутиной. А в этой области у Одинцова опыта было мало.

Светлана знала о загруженности мужа в институте и никогда не пыталась упрекнуть его в том, что он недостаточно времени уделяет семье. Надо сказать, что сам Анастас проявлял чудеса изворотливости и, при малом количестве времени, проводимом в семье, он всё делал для любимой жены и для своего «солнышка» — дочки Анютки.

Возможно, не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что Одинцов и Светлана, имея близкие по частоте мыслительные энергии, часто не разговаривали, но понимали друг друга без слов. И это происходило не только на уровне чувств или желаний, как у других влюблённых пар, но и на уровне общения, обмена мнениями и даже споров по какому-нибудь поводу. Анастас своим сильным мозговым полем, много времени находясь рядом со Светланой, «накачал», как он говорил об этом, её мозговой потенциал, и теперь

им не надо было обязательно произносить слова, общаясь друг с другом.

Это — удивительный способ общения мужа и жены! Молча, не произнося ни одного слова, они могли делать одно дело или одновременно начать собираться на прогулку, одевая, при этом, дочурку или, складывая какие-то необходимые вещи. Вот, только странно выглядит момент, когда у них возникает конфликт или разногласие. При полной внешней молчаливой согласованности действий, вдруг, они начинают говорить голосом, громко выражая, при этом, свою позицию. Ругаться, молча, нельзя! Видимо, это свойство мозга, эмоциональное состояние которого, может передаваться только звуком, словами, произнесёнными вслух.

Как настоящий исследователь, Анастас давно заметил и определил для себя задачу — в будущем заняться этим и, возможно, разгадать такой феномен мозга.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое надо сейчас обратить внимание. Физическое развитие маленькой Анюты вполне соответствовало медицинским нормам развития ребёнка по дням и месяцам. Она была живой, смешливой, забавной, иногда неуклюжей, временами болела и выздоравливала. Словом, всё, как у людей.

Только одно отличало Анюту от других детей: её умственное развитие. Это замечали не только Анастас со Светланой, но и медицинские работники, и друзья, приходившие в гости к Одинцовым.

К пяти — шести месяцам Анютка, лёжа в кроватке и занимаясь своими делами, например, рассматривая пальчики на руках, вдруг за-мирала и внимательно смотрела то на отца, то на мать, которые, как часто бывало в последнее время, разговаривали молча. Она, словно понимала их разговор, и поворачивала головку в ту сторону, где находились, «говорившие» в это время отец или мать. Наверно, она, ещё не зная слов, не могла понять смысла разговора, но, кто в данный момент говорит, она чётко определяла.

Конечно, своих детей до появления Анютки у Одинцовых не было, и им трудно иногда было определить, что в развитии ребёнка является нормальным, а что — отклонением. Хотя, теоретически они кое-что знали и могли догадываться о необычном проявлении в поведении и развитии своего ребёнка.

Анастас, однажды, пытался поговорить об этом со Светланой, но она его не поддержала.

— Знаешь, Светочка, мне кажется, что Аньотка улавливает наши с тобой мысли.

— Наша Аньоточка чувствует нас с тобой всем своим нутром, ведь, мы её родители. Инстинкт, дорогой мой.

— Не знаю, не знаю. Может быть, и так. Но, иногда мне кажется, что она меня слышит.

— А, если, кажется, знаешь, что надо делать?

На этом разговор был закончен.

Проснувшись утром, Светлана подошла к кроватке дочери и удивилась: та лежала с открытыми глазками, молчала, но никак не реагировала на появление матери.

— Доченька, что с тобой? У тебя что-то болит? Ответь мне. Где у тебя болит?

Ответа не было, и только слабый поворот головы малышки в сторону матери указывал на то, что она, действительно, не спит и слышит свою мать.

Светлана взяла её на руки, поцеловала в щёчку и пошла к Анастасии.

— Что с ней происходит, Стас? Она, как не живая: молчит и почти не двигается.

— Не знаю, Светик. Как голова? Температуры нет?

— Нет температуры, и на боли она не показывает.

Мама с трудом покормила дочку: та вяло и долго жевала своим беззубым ртом, потом проглатывала еду и совсем без охоты снова открывала ротик.

— Я пойду сейчас к врачу, — сказала Светлана, провожая мужа на работу. Сама она в институт не ходила, была в отпуске по уходу за ребёнком.

— Хорошо, Светочка. Я побежал. Позвони мне потом, я буду волноваться.

— Обязательно, Стас.

И он торопливо выскочил из квартиры, чтобы вовремя успеть на работу.